

A black and white photograph of a woman with long dark hair, wearing a white, short-sleeved, flared dress, spinning in a field. Her hair is flying around her head. The background consists of a dense forest of trees. The lighting is bright, suggesting daytime.

Леонид Ночной

Никудышный мим

16+

Леонид Ночной

Никудышный мим

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41299170

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0707-6

Аннотация

«Крик души» – это не просто слова. Это действительно вой из-под чёрных ребер. Вой надрывающихся стихами китов, мечтающих лишь об одном – стать услышанными. Терпкий мир, взятый на пробу юным писателем и поэтом – это то, что впишется в насыщенный интеллектуальный рацион; то, что непременно стоит попробовать... Если вы из тех, кто устал от пустоты, что переполняет информационные потоки; если вы из тех, кто видит и слышит, а не смотрит и слушает; и если, наконец, вы из тех, кто думает – добро пожаловать.

Содержание

Я перед сном выпиваю...	5
“Ты любишь смеяться звонко...”	5
“Ночь. Гроза...”	8
Кроме	12
Знаешь, а ведь солнце зашло	14
“Ты могла бы жить на Карибах...”	20
“Пурга за окном...”	22
Я перед сном выпиваю...	23
Напряжение	26
“Дай мне хотя бы имя...”	28
Дождь за моим окном...	30
“Сегодня День Всех Влюблённых...”	32
“Отчего же ты так красива...”	33
“Без тебя осыпаюсь пеплом...”	36
“-Ты помнишь, как...”	37
Никудышный мим	40
Продрогший ёжик	42
“Молоток. Циферблат...”	44
“Скрипнула, кряхтя отворившись, дверь...”	45
“Если ты меня обманула...”	47
“Какао в кружке. Дождь рычит...”	48
Глухонемому и слепому поэту	50
У меня появился страх	52

“Сшибать косяки да крушить пороги...”	54
Мир чуть странен и чуть жесток...	56
Ближе места нет	56
Звезды бывают разные	58
“Шел мягкий снег...”	60
“В небе тучки грозят растаять...”	62
Давайте помолчим	63
“Снова не то. Снова не та...”	66
“Мир чуть странен и чуть жесток...”	67
“Встань у моря и плюй на горе...”	68
Сложно	69
“Те, кто лжет...”	71
Недостих	72
Потанцую	74
“Беззвездно городское небо...”	77
“Я соловью пою песни...”	78
“Всем человекам бывает сложно...”	79
Как громко бьётся сердце в пять утра...	80
“Доброе утро, Мир...”	83
Молитва другу	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Я перед сном выпиваю...

“Ты любишь смеяться звонко...”

Ты любишь смеяться звонко.
Словно хрусталь о плитку полночной кухни.
И, будто не ведая тяжести, на осколки
Так легко опускаешь ступни.

Ты любишь быть лёгкой и очень честной.
Ты веришь в судьбу и читаешь знаки.
Оттого по утру в тишине воскресной
Воют накормленные собаки.

Ты любишь дождь.
В нем можно прятать слезы.
Ты любишь осень из-за частого дождя.
Ты любишь целый мир и все его курьёзы.
А я бессовестно люблю тебя.

Грезить не вредно. Вредно в грёзы верить.
Как жаль, что ты придуманная мной.
И нет таких, как ты...
Иль не созрели?

Или упали в огород чужой?

Не закрывай глаза, коль даже солнце слепит.

И, если жизнь не сон,

Мечтами жить нельзя.

А я убит, но всей душой в поэте

Бессовестно люблю тебя.

“Ночь. Гроза...”

Ночь. Гроза.

Ты сопишь под боком.

Греешь мою кровать.

Я не сплю.

Тяготею.

Стою меж окон.

Но не хочу стоять.

Побитые листья.

Кипящие лужи.

Лёгкий отстук

По шиферным крышам.

Меж стекающих капель кружев

Я молю, чтобы дождь услышал:

«Друг, скажи, этот самый «смысл»,

Эдакий путеводитель к грезам,

Есть ли где-то помимо мыслей,

Захлебнувшихся

В горьких слезах?

Или тленно бытё людское?

Или никчёмная жизнь

Ни к чему?
Есть ли польза ломать устои,
Жечь
Апатическую Чуму?»

Ночь. Гроза.
Сердце – по швам.
Минута грузней
Миновавших лет.
Но вдруг кипятком
По замёрзшим ушам
Капельный шёпот твердит ответ:

«Света не сыщешь
С закрытым оком.
Ради бога, кончай искать!
«Смысл»
Давно уж сопит под боком,
Греет твою кровать.

Люди пОлны
Противоречиями.
Губы – улыбкой.
На сердце – рана.
В табачном дыму
Они – извечные

Пассажиры
Вагона-ресторана.

Глупые душу не чают в суммах.
Умные – слепы до счастья всегда.
Одним полезно хоть иногда думать.
Другим – не думать хоть иногда.

Тяжкий труд – людьми,
Улыбаясь, быть.
Куда проще стучать по крышам.
Грязь смывать.
Помогать забыть,
Тем, кто в в каплях забвенья
Ищет.

Отчаявшихся карнизчиков
Брать живьём.
Но послушайте,
Грустные лица
В окнах!
Если можно быть
Для кого-то солнцем,
То почему бы однажды.
Ни стать
Дождем?»

Ночь...
Уходит,
Грозу зацепив ненароком...

Я стою.
Мне легко стоять
И смотреть,

Как мой дождь,
Все сопя под боком,
Греет мою кровать.

Кроме

Сердце вынь и на стол положи.

И ответь:

Жгут ли мосты, любя?

Все в этом мире -

Гнилая ложь,

Кроме ночи, грозы

И тебя.

Кроме бабушкиной рассады.

Кроме мира и кроме войны.

Кроме редкого

Кроткого взгляда

Цвета юной морской волны.

Все в этом мире -

Гнилая ложь.

Я твержу,

Твержу и лютую:

«Сердцем вранья

Никогда не трожь!»...

Горячей рукой обнимая

Другую.

Уж и пробил час...
За душой – обман.
На лице – полукруг.
И слова звенят.
Только знай,
Мой жизнь -
Ядовитый туман
Без ночи, грозы
И тебя.

Знаешь, а ведь солнце зашло

Знаешь, а ведь солнце уже зашло.

По пушистым ступенькам с неба спустилось.

Все вокруг: города и леса, дома и деревья,

Все вокруг в темную ночь погрузилось.

Тьма, что волна , потушила все свечи.

И накинула черную простынь на пламя.

Но один огонёк все же выжил в тот вечер.

Но один огонёк не спустил своё знамя.

Нет, я тогда не увидел его, и даже треск угольков не слышал.

Меня тогда за руку что-то взяло и шепнуло ,-" огонёк едва дышит".

Дверцу в груди отворив одним махом,

Я пару сердечных достал поленьев.

Так пусть же они становятся прахом,

Раз такого Божье веление.

И в тот же час все полыхнуло.

Наполнив меня и весь мир чистым светом.

И то, что пламя мне в душу вдохнуло,

Я бы назвал настоящим рассветом.

Знаешь, а ведь солнце уже взошло.

А мы Опять за речами его пропустили.

Но тот, проведённый в тепле твоих рук, вечерок

Мы оба в душе под замок положили.

Только свой человек

Своему мысли ссыпает градом.

Так услышь и запомни, родная, на век

Я сейчас, я потом, я всегда буду рядом!

На другой ли планете, В другом ли краю,

Даже там, где не виден шарик земной

Для тебя я с утра соловьем запою.

Для тебя я в ночи стану луной.

Километры и мили– это все ерунда.

Хоть и кажется, что это трудно.

Для любви , ведь скажи же , все не беда!

У любви, ведь скажи, есть волшебное судно!

По бескрайнему морю мечтаний и снов,

Гребни сказочных волн рассекая,

Услыхав души молитвенный зов,
Оно половинки к другим доставляет.
И недавно я пересёк это море.
Стал пассажиром сего корабля.
Теперь нас с тобой не настигнет горе.
Теперь ,дорогая, я – часть тебя.
Коли вдруг загрустишь или станет обидно,
Ты не кручинься, а лучше открой
Дверцу в груди ,и тебе станет видно,
Что я над твоим костром смотровой.
Ты скажи мне,-" слушай, подкинь-ка дровишек".
Я подброшу, и станет вдруг солнце светлей.
Ты вдруг вспомнишь, что я -до сих пор твой парнишка.

А ты до сих пор остаёшься моей.

Я до сих пор утопаю в глазах,

С какими в сравнении одно только небо.

И думаю о твоих волосах

Куда бы ни шёл, где бы я не был.

Ты сводишь с ума ,не ведя и ресницей,

Ты наливаешь слова, что вино.

Вровень тебе не идут ни царицы,

Ни героини немого кино.

И коль ты русалка, тогда я моряк,

Что следуя своей мечте незримой,

Накидывает на шею якорь,

Лишь бы встретиться со своей любимой.

Поверь, кем бы мы ни были и кем бы ни стали,

Мы сами авторы своих книг.

Так давай же напишем счастливые дали!

Так давай жизнь окрестим в сладостный миг.

Знаешь, а ведь время прощаться пришло.

Но пусть твоё сердце в тоске не поет.

Знаешь, а ведь солнце уже зашло.

Но помни, у нас оно только встаёт.

“Ты могла бы жить на Карибах...”

Ты могла бы жить на Карибах.

Медную кожу вливать в песок.

Млеть в изумрудных заливах,

Глотая тропический сок.

Но мороз твои щиплет щеки,

А ты смеёшься в лицо зиме!

Ледяные людские потоки

Несут твой огонь ко мне!

Я пою тебя дурными стихами,

А ты делаешь вид, что пьяна.

И если буря в душе стихает,

Ты-последняя в ней волна.

Ты ведь знаешь, как больно порой

Бьется сердце о стенки груди.

Над бесхозным могуч только твой

Плавный слог во вселенской степи.

Черноту душевных ушибов

Лечит нежный изгиб бровей.

Ты могла бы жить на Карибах,

Но живешь в голове моей.

“Пурга за окном...”

Пурга за окном
И в груди – пурга.
Пламенный кофе.
В руке -
Рука.
Запах хвои.
Плед на коленях.
На спинке стула -
Свитер с оленем.
Кошка.
Тарелочка с молоком.
Тишина между
Полом и потолком.
Только изредка,
Будто гомон щенят,
Поленья в горящих сердцах
Трещат...

Вот что, Дедушка, от невзгод
Я хотел бы на Новый Год!

Я перед сном выпиваю...

Я перед сном выпиваю...

Чаю.

Без света на кухне,

Но не без слез.

Ты сказал, мы сошлись случайно,

Точно пара медовых звёзд.

Ты пришёл -

Расцвела душисто,

Щеки зарделись малиновым цветом...

Только быстро -

Ох, очень быстро!-

Унесло тебя диким ветром.

Рвётся душа

Не впервые. Вновь.

Я ужасно тоской томима!

Больно мне проноситься мимо

Лавки, где ютилась любовь.

Знаю, любимый, так просто надо.

Верю, скоро вернёшься ты.

Но мне после твоего взгляда

Омерзительны все цветы.

Я. Хочу. Быть. Твоей. Навеки.

Сквозь часы и календари.

Хочешь счастливым стать человеком?

Просто езжай ко мне, заberi!

Просто налей мне стаканчик чая!

Сядь со мной! Обними меня!

И если встретились мы случайно,

То уж точно, родной, не зря.

Напряжение

Горячо...

Горячо...

Горячо на сердце.

Розовый дым клубится под кожей.

Будто бы смазали душу перцем

И оббили нутро рогожей.

Я пылаю священным огнём

Средь священной нОчи.

Ты идешь ко мне налегке...

Но видят мои раскалённые очи

Спички в твоей руке!

Это ты!

Это все ты!

Та, что жжёт и, смеясь, крушит

Перетлевшие березовые мосты

Через рощу моей души.

Страсть есть чума,

А любовь – зараза.

Я болен...

Однако, мне боли мало.

Мы схожи,
Но есть между нами разность...

Разность потенциалов.

“Дай мне хотя бы имя...”

Дай мне хотя бы имя.
Я его сберегу до весны.
Чтоб оно вместе с другими
Согревало холодные сны.

Скажи мне хотя бы слово.
И в мути вселенских мук
Через мрак из кусочка родного
Отзвонит его каждый звук.

Подари мне короткий взгляд
Бушующего синего моря.
С ним не страшен мне станет град
Из людей дурного покроя.

Плавню коснись руки,
Того, кто нутром весь твой.
В голубую пустыню влеки
Влюблённого за собой.

Под волною губами коснись его.
И исчезни. Опять.
Он ведь знал, что в сени лазурного

Влюблённых ведут распять.

Он знал, но все равно шёл.

Для тебя это вне понимания.

А я лишь шепчу, вдыхая твой шёлк:

Нож в сердце – это тоже внимание.

Дождь за моим окном...

Небо сегодня хмурит брови.
Солнце спрятали злые грозы.
Ночью-красивый, а днём-суровый
Мир глотает пустые слёзы.

Дождь за моим окном.
Ты за моей спиной.
Я с вами давно знаком.
Я вам послужил виной.

Я слушаю каплей стук
И меж ними густой раскат.
Слова кривизною дуг
Летят из души назад.

«Скажи, ты знаешь, родная,
О чем бьется дождь в стекло?
Не о том ли, что нету края
Куда бы его не влекло?
Не о том ли, что он вездесущ,
Но отчаяние бьет в висок,
Оттого, что с душевных гущ

Не смывается чёрный песок.
Или рвутся с грозных гитар
Грустные песни потоком,
Оттого что дождь жутко стар,
И жутко ему одиноко?
Знаешь, родная, а он ведь бьется.
И неспроста молотит по крышам.
Оттого на нас небо льётся,
Чтобы каждый себя услышал.
Ведь за гулом людского шторма,
В той воронке, где нам вертеться,
В чужих голосах чужого хора
Едва различим шёпот из сердца.
Мне понятен твой говор, друг!
Я то же твержу, покоя не зная!
Глухота— вот величайший недуг.
Ты слышишь меня, родная?»

Как?! В голове учинен погром!
Господи, что же со мной?!
Солнечный свет за моим окном.
И пустой диван за моей спиной.

“Сегодня День Всех Влюблённых...”

Сегодня День Всех Влюблённых.
Больно уж странный праздник.
Не оттого, что кругом все дразнят,
А оттого, что расписную зарю
Не угадать по календарю.
Кто знает, когда упадёт звезда
С душевного синего неба?
Ведь чувства не поезда.
Они— скорее, письмо до востребования.
Они – скорее, белесый конь,
Что несётся по полю ржи.
Ни одна людская ладонь
Не накинет за гриву вожжи.
А вы рвётесь загнать все в числа!
Но не первого снега, не осеннего свиста
Не видать вам, как солнцу грусти.
Вы ведь за цифрами ВСЕ пропустите!
Нам не надо отдельных дней
Для слов в груди потаённых.
Ведь если любить до костей,
Каждый день станет днём влюблённых!

“Отчего же ты так красива...”

Отчего же ты так красива?
Отчего так изящна и так проста?
Будто издавна в поле косила
Русский колосс твоя коса.

Отчего же ты так легка,
Но на сердце тяжёлый груз.
Милую руку не жмёт рукав,
Но в ней ,все же, червовый туз.

Отчего кривизна твоих губ так остра,
В ранимую плоть лезвием красным.
По чёрным рёбрам лишь треск костра.
Такой густой и такой опасный.

Нежный волнистый поток,
Как шоколад с молоком, волос.
Сквозь гранит горящий росток
Под этими водами снова взрос.

И дотла спокойствия мост.
А ты льёшь слова керосином.
Так ответь же на мой вопрос:

Отчего же ты так красива?

Да.Выходит опять с ума.

И старая печь вновь горяча.

Выходит любовь— моя тюрьма,

Где я люблю своего палача.

“Без тебя осыпаюсь пеплом...”

...Без тебя осыпаюсь пеплом
На поруку восточному ветру...

...Сквозь километры в душевной истоме.
Нашей любви место в дурдоме...

“-Ты помнишь, как...”

-Ты помнишь, как...

А помнишь ли...

-Я помню, милая. Я помню.

И как ,обнявшись, тонко шли,

Как мёрзли, тлели как в жаровне,

Как плакали и как кривили губы,

И как пьянели, нюхая цветы.

Сквозь прохудившиеся временные трубы

Я помню всё,

Чего не помнишь ты.

А сердце костный нож все точит,

И запредельно жутко хочет

Разрезать цепи, в прошлое слететь.

Но дряхлый мозг иной прогноз пророчит

Остаток дней, безумно, что есть мочи

Мне реквием по жизни петь.

Ты все забыла.

О сколько лет.

О сколько дней.

Сколько минут

И, господи, сколько мгновений.

Но непреклонен старости запрет

На легкость молодости дуновений.

А я своею серой бородой люблю тебя.

И пусть сожжённые обрушатся мосты,

И даже если ты забудешь, кто я,

Я буду помнить, что для меня ты.

Ты моя дряхлая любимая старушка.

Пустым туманом вековых очей,

Что задаёт, уткнувшись в подушку,

Один вопрос на тысячу ночей.

На тысячу опавших лепестков души.

На каждый белый волос и морщину.

Мы здесь состарились, ты помнишь, здесь скатились с

вершин

В столь непроглядную, дремучую лощину.

Лощину уставшей седой квартиры,

Где годы дождем затекли в мешок.

-А хорошо ли мы жизнь прожили?

-Жили.

Значит, уже хорошо.

Никудышный мим

Скажи мне, Нина,
Чем не действующая мина
Особенна в минном поле?

Она – пробоина грядки смерти?
Или она – в безжизненной тверди
Облегчение чей-то доли?

Послушай, Нина,
Если похитить картину,
А деньгами приют обеспечить,

Ты, верно, станешь преступником,
(Да, непременно, преступником!)
Но преступником человеческим?

Больно или легко,
Не думая ни о ком,
Одинокó шагать в толпе?

Стыдно, глупо и аморально
Или, в действительности, нормально

Гвозди дергать в чужой судьбе?

Знаешь, Нина, ночами
Оттого на душе печально,
Что вопросами я томим.

Знаешь, Нина...
Если жизнь – пантомима,
То я никудашный мим.

Продрогший ёжик

Заходился в песне ветер,
Кожу покрывала рябь.
На земле красивых сплетен
Ёжик некрасиво зяб.

Ночью, что в лесу густа,
Спал в ногах сосны кудрявой,
Без подушки, с одеялом
В виде чахлого листа.

Грустно дрожа, шагал по тропинке.
Ведь в детстве ему объяснила мать:
Сотня игл на серой спинке
Мешает ежика обнимать.

Он мёрз и грезил о кусочке тепла.
Но вдруг увидал среди чащи зеленой,
Пушистые лапы у костерка
Под елочкой грел котёнок.

Лохматый, счастливый, глазам не веря,
Он дружелюбно повёл хвостом

И с продрогшим, колючим зверем
Поделится своим теплом.

«Знаешь, ёжик, в иголках ты весь.
А значит, как и в надёжном крове,
Пуще всех, что на свете есть,
Нуждаешься в тёплом слове!»

Где-то по лесу рыскают волки,
Но взяли чувства широкий размах -
Ежика обняли на словах,
Не в помеху которым иголки.

Два друга смеялись в густых потёмках,
Один из них думал о светлом дне,
Когда удастся найти котёнка
Каждому ёжику на Земле.

“Молоток. Циферблат...”

Молоток.

Циферблат.

Часовая.

Минутная.

Искры.

Треск.

Мне секунда с тобой

Дорожи всей жизни без.

“Скрипнула, кряхтя отворившись, дверь...”

Скрипнула, кряхтя отворившись, дверь.
Грянула очередь грузных шагов.
Жизнь чередой бестолковых потерь
Смежные души лишает слов.

Я должен уйти. Ты должна остаться.
«Любовь без проблем» рухнула в вечность.
Но шепчут звезды, мол, может статься,
Чуждо любви источать беспечность.

Не хочу. Не могу. Ну летим же со мной!
Меня быстро уносит все дальше и выше,
И просит соседка, тряся сединой:
«Сделайте сердце своё потише.»

Небо точит крыльев тупая бритва.
Я за тем, костенея, слежу в упор.
«Люблю» звенит в голове как молитва.
«Полгода» – как приговор.

Но я вернусь, только жди и помни.

Помни и жди! Я вернусь к тебе!

Пока есть кому плакать во мраке комнат,
Любовь будет теплиться в каждой слезе.

“Если ты меня обманула...”

Если ты меня обманула...
И твои глаза – все-таки море,

То из всех,
Кто отдал концы,

Утопленники,
Плюя на горе -

Самые счастливые
Мертвецы.

“Какао в кружке. Дождь рычит...”

Какао в кружке. Дождь рычит.
И тишина по швам трещит,
Плюётся листьями берёз.
Дороги корчатся от слез.
За горизонтом ночь горит -
Пространство режут фонари
И чуждым тьме столбиком света
Подсвечивают пятки лету.
А кто-то хлопает по лужам.
Кому-то этот кто-то нужен,
Но, он кривится потому,
Что снова нужен не тому.
Если горишь,
Не страшно взмокнуть.
В моей квартире настезь окна.

А шквал рыданий
Гулко полнит залы -
То плачут небеса,
Что ты от них
Сбежала.

И все бы ничего.
И жаловаться – грех.
Но у судьбы
Скрипуч и едок смех.

Зрачки густеют и коптят -
Окрест души костры горят.
И шепчут угольки в огне,
Что ты сбежала не ко мне.

Какао в кружке.
Дождь рычит.

Но сердце в этот раз молчит.

А губы, дрогнув,
Говорят:

«Беги, куда глаза глядят.»

Глухонемому и слепому поэту

Отложи же свои дурные стихи!
И ныряй за мной в синеву!
Я устала видеть тебя сухим,
Да всё с пером и на берегу!

Догони же меня, догони!
И сердцу отдай на поруку.
Мы вместе зажжем огни
Удвоенным рёберным стуком.

А ты все пишешь, дурак несчастный,
Что люди несведущи и глухи!
Но губ по тебе тоскующе-красных
Не видишь сам, извергая стихи!

Прокляни меня, милый.
Если хочешь, ругайся, бей.
Ведь мне в безмолвной могиле
Молчание твоё больней.

Но не ты ли хотел любви?
Не ты обливался мглой?

Так я здесь! Ты меня догони!
Хочешь жить? Так побудь со мной!

Догони же меня! Ну! Догони!
Ты видишь, гаснет твоя звезда!
Знай, однажды в холодный миг
Я в слезах убегу навсегда...

У меня появился страх

Помню, в самом далёком детстве
Нырлял в подподушечные глубины,
Едва скрипнет в квартире дверца
Гласом чудовищ и нелюдимов.

Жуть внеземная жила в шкафу,
В неосвещенных кривых коридорах,
За нелепо задернутой шторой
И в колючем седом шарфу.

Ветер времени бушует в человеке.
Только взрослые бояться не умеют:
От долгов и круглой суммы в чеке
Задыхаются и костенеют.

Лунный свет клубится в моих глазах.
К боли в груди, я давно не ребёнок.
Но, как в вороньем гнезде куковёнок,
У меня появился страх.

Я взрослый. Мысли в мозгу шныряют.
Может быть, глупо. Может быть, зря.

Но я боюсь, под подушку ныряя,
Однажды лишиться тебя.

“Сшибать косяки да крушить пороги...”

Сшибать косяки
Да крушить пороги.
Топтаться по лесу.
Тоскливо выть.
Знай, к любви ведут все дороги,
Но километрам ее не убить.

Знай, из любви только два пути.
Веди по ним смело знающих роли.
А если не любят, то...
Отпусти.
Ни к чему на цепи
Пёс, глядящий на волю.

Ни к чему держать тех,
Кого манит в высь.
Ни к чему старикам
Изменять угодыя.
Если уходят, поплачь...
И простись.
А если забыли...

То ты свободен.

Любовь – это цепи.

Любовь – это клетка.

Любовь – это море от ада до рая.

Но если ты выбираешь метко,

И если тебя выбирают метко,

То эта клетка – навек грудная.

Мир чуть странен и чуть жесток...

Ближе места нет

И думается мне с трудом.
И пишется не налегке.
Взрастивший меня отчий дом
Слабо трепещет вдалеке.

Родных дрожащий тёплый свет
Впитать б взволнованною кожей.
А ближе сердца места нет.
Как нет вещей любви дороже.

Вы – мои звёзды в небе синем.
Запах асфальта в жгучий ливень.

Я, уезжая, битым волком выл,
О том, что, милые, сказать забыл.

Как далеко бы ни отчалил
И где бы ни встречал рассвет,
Держитесь дальше от печали,

В жизни конец есть пункт начальный,
И сердца ближе места нет.

Звезды бывают разные

Звезды бывают разные:
Прекрасные и несуразные,
Желтые, белые, красные,
Бессовестно разнообразные.

Но видим мы со своей планеты
На ночном столе только крошки света.

Все друг на друга похожие...
И пальцем в небо ночные прохожие
Тычут и шепчут на ухо одно:
«Та или эта звезда? Все равно!»

Когда «подсудимый» так далеко,
Судить до дрожи в коленях легко.

Но молоток с париком оставьте
И на секунду просто представьте:
Где-то в толще вселенских гуц
Сидит на своей звезде Вездесущий
И с особым всезнайским фарсом
Путает Землю с Марсом.

Так услышите меня сквозь туманы грёз!
То, что мы в тусклой россыпи звёзд
Не видим отличительных знаков,
Ещё не делает их одинаковыми!

Каждую гложут свои огни.
Ты только пристальнее взгляни...

Но небо сегодня в дождливой кофте...

А этот стих не о звёздах вовсе...

“Шёл мягкий снег...”

Шёл мягкий снег.
И тут же таял,
Коснувшись мокрой мостовой.
Пришла зима. Зима без правил
Пришла за мной.

Сидит и вяжет.
Мирскую пряжу.

Холодный ветер нитью на железных спицах
Веет кругом снежиночные братии,
Что исчезают боле на моих ресницах,
А на чужие оседают кстати.

И ночью небо точечно блестит,
Выстраивая звезды в моё имя.
И, распаляясь, просит пойти с ними
Рассвет, которым горизонт горит.

И весь мир мой.
Но в этот день погожий,
Не помню, вечером иль по утру,
Спросил меня невидимый прохожий,

Не много ли я на себя беру?

“В небе тучки грозят растаять...”

В небе тучки грозят растаять.

В студне глаз распалилась заря.

Как же правильно жить?

Не знаю.

Я инструкцию потерял.

Давайте помолчим

Мне больше нечего сказать.
Гремит святая акколада.
В ножнах язык.
И впредь – молчать.
Стать рыцарем немого взгляда.

Быть с болтунами на ножах.
Слова в избытке -
Звон в ушах!
А бессловесье -
Матерь мысли,
Основа смысловой корысти.

Ночь украшает тишина,
Скользящая по бездорожью.
Мудро сапфирная луна
Молчит над голосистой рожью.

Суть тишины крайне легка:
Быть выше,
Но не с высока,
Смотреть на тех,

Кто болтовней весь день
Изводит всех, кого не лень.

Смотреть...
И чувствовать немых.
Ведь не порок – молчать губами,
Душой нести для остальных
Мысль, не избитую словами.

Быть в сотне холостых одним,
Впивающимся в сердце.
На рождество быть иноверцем.
Кричать: «Давайте помолчим!»

И помолчать...
И помолчать...
И помолчать.
Сквозь едкий, кислый гомон
Все уповать на будущую рать.

Ведь когда сможем через проседь лет,
Сказать «люблю» прикосновением,
Волшебным станет то мгновение,
Жизнь облачится в праздный свет.

Волна болтовни покоряет ухабы.

Бьется о череп, по мозгу стучит.

Люди земли!

На минутку хотя бы

Давайте же все помолчим!

“Снова не то. Снова не та...”

Снова не то. Снова не та.
И опять чернильная пустота,
Мертвой струей из-под лживо блестящих глаз,
Тщетно пихает стекло за алмаз.
Я гляжу сквозь тебя на сестрицу Луну.
А она все ножом да по самому дну.
Льёт в эту призму медно-сливочный свет
И все тычет в лицо мне тем, чего нет.
Птица-ночь из хвоста выдирает перо,
Чтоб, когда отвернусь, мне всадить под ребро.
Нет. Я не дамся вам мрачные бестии!
Пусть глаза уже тонут , зато сердце на месте.
Так же бьет и искрит под кожей.
От того будет день погожим,
Даже в эту людскую метель
У последнего из людей.

“Мир чуть странен и чуть жесток...”

Мир чуть странен и чуть жесток:
Клоун грустит, а поэт одинок.

Один смеётся, рыдая потоком.
Другой любовь пускает по строкам.

Пред сим парадоксом природа немеет:
Дарят они, чего не имеют.

Мир чуть странен и чуть жесток.
Но грусть ли это или я одинок?

“Встань у моря и плюй на горе...”

Встань у моря
И плюй на горе!
Грусти свинцовый кол
Раствори в бороде у волн.
А после – дай себя утопить!
Но не так, чтобы тварей морских кормить!
А, вопреки мировым убеждениям,
Иди ко дну ради перерождения!
Зарой там в песок, что гнетёт и гложет.
И, если попросишь, море поможет!
Берег спрячет в синем узоре.
Ты стой там смело и плюй на горе!

Сложно

О, как сложно, как сложно, как сложно!
О как круты скалистые пороги бытия!
Проблемы бизнеса решить возможно.
Куда сложнее в безумье отыскать себя.

Величественна в своей строгости система.
Её удел – растить свиней да на убой.
И в ужин, и в обед кормить одной дилеммой-
«Жить в мире с обществом или с самим собой?»

Ты сделай это, сделай то, сходи туда, вернись оттуда...
В бушующем страстями море как перестать тонуть?
В кипящем вареве из лжи и денежного блюда
Подумать некогда, где уж искать свой путь!

Но знай одно: не вступишь – не зайдут, не покалечат.
Вся жизнь – твоя. И жить её тебе.
Услышь, и в гуще дезертирской сечи
Под вой предателей не изменяй себе!

Не рви и не коверкай зов души!
Кто косо смотрит, смело давай бой!

Как хочешь бей, как хочется души!
Но только будь, пожалуйста, собой...

“Те, кто лжет...”

Те, кто лжёт,
Те всегда свободны.
Лгать не ново,
Не сложно,
Модно.

Врать среди грязи,
И врать на пире.
В подфонарном выцветшем мире
Только правда звучит не правдиво,
Не современно и не красиво.

Ложь в седине,
Ложь в грязи под ногтем.
В сахарной вате
И в ложке дёгтя.
Ложь за спиной,
Ложь впереди,

Но лишь в словаре-
«Клади»

Недостих

А ветер сентября
Уже зашелестел в сердцах.
И рухнул, дрогнувши,
Берёзы рыжий лист.
Как блудные сыны
Тоскуют об отцах,
Грустит по жизни
Недофаталист.

Он не решил.
В его глазах, как в заводи,
Застой.
И, вроде бы, желания
Сулят жизнь высшей пробы.
Но ведь,
Со стороны другой,
Все, что ни есть -
То так оно должно быть.

Он не решил.

Как в детстве не решил:

Пилот в кабине
Или в корабле моряк.
Взрослея, как не выбрал:
Реалист или мечтатель.
И не закрывши спор:
Есенин или Пастернак,
Все вязнет в осени
Недочитатель.

За горизонтом гром рычит.
Летят с небес зигзаги света.
Моргнёшь,
А недожизнь промчит.
И недосмертью
Канет в Лету.

О, временами неподъёмен
Жизни гриф.
Когда один силён, другой, порой,
Калека.
Но помни:
Счастье – только
Недомиф
В печальной жизни
Недочеловека.

Потанцюю

Хей, грибники с брильянтовым ножом!
И вы, загнувшиеся офисные грузди!
Все, кто боится и кто лезет на рожон,
Со мной станцуйте на могиле грусти!

Да! В подворотне! Из ружья! Вчерась!
Ползла, гадюка, к Смерти в гости,
А я навстречу ей, два пальца на курок, и хрясь!
Посыпались раздробленные кости!

Но что же с вами?
Где оглушительная песня языков?
Кошунство ваше где,
Что вы бросали
На маленьких детей и стариков?

Где радость? Где веселье? Где?!
Что ж я один меж пиджаков верчусь?..

Как мясо. В обуявшем мир огне...
Где люди делают бессмертной грусть.

Ох, как промазал!
Бог ты мой!
Стрелял-то с твердою рукой,
Да только вот с закрытым глазом!
Заметить должно было сразу,
Что жизнь людей не может быть иной,
Как не исполненной бессмысленной тоской
Да чёрною печалью к разу.

Чтоб грусть сразить,
Ружьё не обладало должной силой.
Но обладаю я!
И вот, когда кругом враги,
Над свежевскопанной могилой
Жму на курок пальцем ноги.

Уж лучше так отдать концы,
Чем встать у грусти под уздцы...

Чем жизнь изрезать, плача и тоскуя...

Ну нет!

Над свежевскопанной могилой
С уже утроенною силой
Я потанцую. Слышишь?

Потанцюю.

“Беззвездно городское небо...”

Беззвездно городское небо
Не из-за света фонарей.
Просто для звёзд везде, где ни был,
Нет места в сердце у людей.

Им на погонах место есть.
Их видят в молодых певцах.
Они везде, куда не лезь.
Но не в сердцах.

Эх, не в сердцах...

“Я соловью пою песни...”

Я соловью пою песни.
Я солнцу свечу в лицо.
Но не кормлю бесчестьем
Маленьких подлецов.

Не бью обделённых задир
Не краду у несчастных воров.
В их без того темный мир
Я свет принести готов.

Пусть летят в меня копья и стрелы.
Пусть дубины хребет мой бьют.
Не сломать им железной веры,
Что добро– правдивый маршрут.

Человек плохой не с рождения.
И даже злым нужен приют.
К горьким людям добавьте варенья.
Тогда и они соловью запоют.

“Всем человекам бывает сложно...”

Всем человекам бывает сложно.

Все человеки рыдали ночами.

Ведь и от смеха становится тошно.

Ведь и любовь – праматерь печали.

Всем человекам бывает сложно.

И каждый в чьих-то глазах – дефектен.

В мире порою жить невозможно.

Только вот, больше нигде.

Как громко бьётся сердце в пять утра...

Как громко бьётся сердце в пять утра...
И как секунды каблучком настукивают в уши...
Ты слышал, как, смеясь,
Уходит ночь-сестра?
Ты слышал это, друг?
Ты слушал

Мелодию предутренней росы,
Рассеянной на пустоши немого перекрёстка,
В звучании которой, облака – известка,
Не рухнувшая в чёрные часы

Вслед павшему,
Низвергнутому миру.
Время идёт по крошкам
Перетертых судеб.
Но знай, пока звучит струна рассветной лиры,
Сердце дрожало в пять утра
Дрожит
И будет!

Послушай, милый,
милый друг,
Как воробей клюёт опавшую и твёрдую рябину...
И расскажи,
Ну почему тебе
Этот нестройный стук,
Как птица ягоду,
Не щиплет сердцевину?

Послушай шёпот прячущихся звёзд...
Они всю ночь дырявили
Небесное суконце,
Смеялись,
А теперь всерьёз
Разгневалось на их проказы
Солнце.

Но...

Не злопамятно оно.

Минута, две,
Тут ранний ветер взвыл...
И от обиды след простыл...

А нам бы поучиться распахивать

Перед врагами дверцы...

О, как же в пять утра молотит сердце...

Ты слышишь сей горячий бой

Во славу тишины,

Скрывающей подлунный вой

Что на плече у ночи

Все ещё теплится?

Не слышишь?..

Значит, ты глухой...

Иль просто нечему

Под кожей биться.

“Доброе утро, Мир...”

Доброе утро, Мир!

И та, что в его недрах нежится в постели.

Мы часто в жизни падали,

Но крах есть следствие того,

Что мы летели.

Проснись. Подумай.

Бытие есть море.

Но скоро ссыплются часы на то,

Чтоб волны бороздить.

И что же нам предписано

На сером небосклоне:

Писать стихи...

Встречать рассвет...

И жить.

Молитва другу

С деревьев и с календаря
Сыпались листья.
Снова нежданно
Осень наступила.
И ветер нёс
Над чахлым полем мыслей
Душистый лай
И образ милый.

О, Рекс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.